

К 100-ЛЕТИЮ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА

УДК 325.15

doi 10.17072/2219-3111-2025-2-159-173

EDN: DPHNPU

ASJC 1202

ГРНТИ 03.61.91

Ссылка для цитирования: Черных А. В. От пермяков и коми к коми-пермякам: становление этнонима // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 2(69). С. 159–173. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-2-159-173. EDN: DPHNPU

**ОТ ПЕРМЯКОВ И КОМИ К КОМИ-ПЕРМЯКАМ:
СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОНИМА****А. В. Черных**

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
614990, Россия, Пермь, ул. Ленина, 13А

atschernych@yandex.ru

ResearcherID: T-5170-2019

Scopus Author ID: 35828192900

SPIN-код: 1508-9097

В статье на основе этнографических опубликованных источников XVIII – начала XX в., документальных источников 1920–1930-х гг. из архивных собраний центральных и региональных архивов, а также экспедиционных материалов конца XX – начала XXI в. у коми-пермяков исследуются особенности бытования этнонимов, конструирование нового официального этнонима для народа в первые годы советской власти, а также этнокультурные процессы, отражающие особенности развития народа и использование этнонимов в XIX – начале XX в. Отмечается, что в XVIII – начале XX в. бытовало два этнонима для обозначения народа. Один из них – *пермяки* – был официальным названием народа и использовался в общественном дискурсе, был единственным, применявшимся в публикациях на русском языке, а также при составлении словарей и первых букварей на коми-пермяцком языке. Вторым этнонимом – *коми* – фиксировался исследователями, однако был эндоэтнонимом, в общественной сфере в основном его употребление было ограничено научной и научно-популярной литературой. Такая особенность в использовании двух этнонимов была характерна в тот период для многих народов Поволжья и Урала. Этноним *пермяк* в этот период применялся и в качестве самоназвания народа и в этой форме сохранился у периферийных групп коми-пермяков вплоть до начала XXI в. Переломным моментом в становлении этнонима *коми-пермяки* является период 1920-х гг., когда начинается его формирование, а затем широкое распространение и принятие народом. Это происходит одновременно с процессами национально-государственного устройства пермяков Пермской губернии и создания Коми-Пермяцкого национального округа Уральской области. Для 1990-х гг. наиболее активные дискуссии и широкое распространение новых этнонимов были характерны для периферийных групп коми-пермяков, получивших локальные номинации *коми-язьвинцы* и *коми-зюздинцы*, но в каждой из групп этнические процессы имели разные векторы и привели к различным результатам. В настоящее время при устоявшейся традиции использования этнонима тем не менее периодически возникают дискуссии как о статусе народа, так и о его названии. Изучаемые явления становления и бытования этнонимов являются отражением сложных и динамичных этнических процессов.

Ключевые слова: этнография Урала, коми-пермяки, этнонимы, этнические процессы, Коми-Пермяцкий округ.

Введение

В настоящее время этноним *коми-пермяк* имеет широкое бытование. Он используется в качестве самоназвания народа, им определяют народ в научных исследованиях и общественном контексте. Однако его становление имеет свою историю: только в 1920-е гг. происходит кон-

струирование этого названия и активное его включение в общественный контекст. Процессы формирования и распространения этнонима, а также современное его употребление нередко вызывают споры. Однако до настоящего времени не было предпринято анализа тех процессов, которые привели к конструированию названия народа, а также его бытованию и использованию разными группами коми-пермяков. Именно особенности бытования этнонимов, конструирование нового официального этнонима для народа в первые годы советской власти, а также этнокультурные процессы, отражающие особенности развития народа и использование этнонимов в XIX – начале XX в., являются задачами настоящего исследования. Основой для работы стал целый комплекс источников: этнографические опубликованные источники XVIII – начала XX в., в которых приводятся сведения о бытовании этнонимов, документальные источники 1920–1930-х гг. из архивных собраний центральных и региональных архивов, а также экспедиционные материалы, отражающие особенности современного использования названий народа в разных группах коми-пермяков.

Коми-пермяцкая этнонимия XVIII – начала XX в.

О бытовании этнонимов и самоназвании народа в обозначенный период мы можем судить на основе разных опубликованных этнографических свидетельств, доверяя профессионализму предшественников, так как нет других материалов, которые бы раскрывали идентичность коми-пермяков в тот период. Мы не ставим своей задачей анализ более ранних письменных и документальных сведений о народах Урала, так как до XVIII в. они являются фрагментарными и достаточно сложно связать упоминаемые названия территорий и народов с коми-пермяками или коми-зырянами. Отметим лишь публикации Н. Винсена конца XVII в., который, видимо, первым отделил зырян (Zirianen) от пермяков (Permakken) [Терюков, 2011, с. 51]¹.

К периоду XVIII в. относятся первые научные публикации о Пермском Прикамье, в которых встречается упоминание о коми-пермяках и этнонимах. В целом следует отметить, что в материалах участников академических экспедиций этого периода достаточно мало этнографических сведений о коми-пермяках, часто авторы ограничиваются лишь упоминанием народа. Официальным названием народа в этот период был термин *пермяки*.

О пермяках отмечают в своих дневниковых записях Д. Г. Мессершмидт, проехавший по Пермскому Прикамью в 1726 г. [Напольских, 1998, с. 201]. Пермяки упоминаются в дневниковых заметках Иоганна Гмелина, проезжавшего по коми-пермяцким деревням по пути из г. Соликамска в г. Кайгородок зимой 1743 г. (Gmelin, 1751; Гмелин, 2012). Среди народов России *пермяки* названы Ф. И. Сталенбергом, который впервые фиксирует и этноним коми *comi* наряду с термином *зыряне* для обозначения коми-зырян [Терюков, 2011, с. 65].

В фундаментальном этнографическом труде о народах России И. Георги, в котором есть очерки о народах Поволжья и Приуралья, к сожалению, нет отдельных разделов о коми-зырянах и коми-пермяках и приводятся только названия народов – *пермяки* и *зыряне*. Отчасти этот факт, характеризуя *зырян* и *пермяков*, объясняет сам автор: «Они так сообразны сельским российским обывателям в рассуждении жилищ, одеяния и хозяйства, что, кроме финского языка, малым чем разнятся» (Георги, 1799, с. 67).

Эта же причина, а именно значительная схожесть культуры коми-пермяков и русских, видимо, стала причиной отсутствия этнографического описания коми-пермяков и в другом фундаментальном труде о народах Поволжья «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...» Г. Ф. Миллера. Автор указывает на коми-пермяков в своем очерке, однако не дает их развернутого этнографического описания, отмечая: «А о пермяках так же много писать нечего, потому, что они давно уже обращены в Христианской закон и от прежних своих нравов и обычаев, имея всегдашнее обхождение с русскими людьми, по большей части отстали» (Миллер, 1791, с. 6). Интересным представляется замечание Г. Ф. Миллера о родстве пермяков и зырян, а также употребление, наряду с этнонимом *пермяки*, этнонима *пермичи*: «Пермяки и Пермичи, яко жители между Солью-Камскою и Чердынем, которые с Зырянами Устюжскими, Соль-Вычегодскими и Яренскими за один народ почитаются» (Там же, с. 3). Г. Ф. Миллер также подтверждает использование одного этнонима для самоназвания народов, отмечая о

пермяках и зырянах: «То именование, которым мы их называем, у них совсем иное. Они называют себя и один другого *Коми* или и с придачею *Коми-Мурмь...*» (Там же, с. 36–37).

Таким образом, в первой половине XVIII в. исследователями были зафиксированы этнонимы *пермяк* и *коми*, а также определено использование номинации *коми* как эндоэтнонима для двух народов – пермяков и зырян.

В дальнейшем исследователи, основываясь на собственных наблюдениях или на работах предшественников, также подтверждали данную информацию в своих трудах. Так, В. Н. Татищев отмечает бытование этнонимов *пермяки* и *коми*: «Пермяки был народ сарматской идолопоклоннический, которое имя видно что от бярмы произошло. Они прежде жили по Вычегде, где им Стефан Пермской начал евангелие проповедывать, и на том своем пристанище междо рек Вычегде и Выма сделал город, имянуемой Усть-Вымской, в котором до царя Феодора 1-го епископы жили и переведены в Вологду, и в Перми главной город, 2-й Кайгород, потом 3-й Чердынь, а ныне Соль Камская. Они себя звали коми...» (Татищев, 1950, с. 180).

Иван Иванович Лепехин, российский ученый-энциклопедист, путешественник, естествоиспытатель, лексикограф, в 1771 г. проезжавший из Соликамска в Кайгородок, оставил наиболее полную для того времени характеристику этнонимов народов коми: «Деревня Селища была для нас первая, где мы увидели тот род людей, которых пермяками называют. <...> ...что они на своем языке не зовут себя пермяками, но Коми-Утир...» (Лепехин, 1780, с. 194–196).

Таким образом, в XVIII в. в научном дискурсе активно используется этноним *пермяки*, но в то же время фиксируется и эндоэтноним *коми* как для коми-пермяков, так и для коми-зырян. Отмечается также близость, родственность двух народов, а в некоторых случаях высказаны предположения об единой этнической общности коми.

Для XIX века характерно значительное расширение этнографических исследований о коми-пермяках, в том числе многочисленные фиксации этнонимов *пермяки* и *коми*. Впервые из пермских исследователей этнонимы коми-пермяков фиксирует преподаватель пермской гимназии Н. С. Попов в своем фундаментальном труде «Хозяйственное описание Пермской губернии», отмечая: «Они сами называют себя Коми-Утир; имя же Пермяков, данное им от Россиян и других соседствующих народов...» (Попов, 1813, с. 63).

В дальнейшем почти во всех исследованиях, в которых дается описание народа, приводятся два этнонима – как широко распространенный *пермяки*, так и эндоэтноним *коми*. Так, в 1847 г. автор небольшой статьи о коми-пермяках В. Хлопов отмечает: «Сами Пермяки называют себя Коми или Коми-Утирь» (Хлопов, 1847, с. 201–202). В 1849 г. в рукописи священника села Архангельское Соликамского уезда А. Третьякова из архива Русского географического общества также приводятся два этнонима: «А называют себя также словами: коми морт, что означает камский человек, или пермяк человек, как называют себя и зыряне» (АРГО. Р. XXIX. Д. 20. Л. 8). Николай Авраимович Рогов, автор первого опубликованного русско-пермяцкого и пермячко-русского словаря, а также этнографического описания народа, так характеризует названия народа в своих работах: «“Пермяки”, “Коми” – составляют одно из племен финских...» [так называют себя пермяки: они не знают, почему страну их называют Пермью, а их пермяками. Кажется, имя коми древнее имени Пермяков и есть первоначальное, которым назывался финский народ еще во времена давнопрошедшие...] (Рогов, 1858, с. 45–46); «Пермяки, известные в старину под именем Перми и Пермь, и составлявшие некогда одно племя с Зырянами и Вотьяками, принадлежат к обширному семейству северных народов, именуемых финскими. Они называют себя Коми или Коми отир. Слово коми не имеет в пермяцком языке отдельного смысла, но принимается, как собственное имя, равносильное слову Пермяк, зырянин...» (Рогов, 1869, с. 2).

Два этнонима приводятся и в общих публикациях о Пермской губернии, в которых дано описание народов: «...пермяков, которые сами себя называют комь...» (Гасабов, 1880, с. 31–32). Автор монографического исследования о пермяках И. Н. Смирнов также приводит в своем исследовании два этнонима *пермяки* и *коми*, в том числе в вариантах *комийас* и *коми-отир*, отмечая, что «общность самоназвания указывает на то, что нынешние пермяки и зыряне считают и считали себя во все времена членами одного этнографического организма» [Смирнов, 1891, с.

77–78]. Интересным с точки зрения использования этнонима представляется подпись к фотографии «Пермяки – “коми”. Замужняя женщина в старинном костюме...» в «Иллюстрированном путеводителе по реке Кама...»; авторы очерка – известные пермские исследователи И. Я. Кривошеков и И. К. Зеленов (Иллюстрированный путеводитель..., 1911, с. 11). В публикациях И. Я. Кривошекова также находим термин *пермичи-коми* применительно к ранним векам истории Пермского Прикамья, периода присоединения Перми Великой к Русскому государству конца XV – начала XVI в., а также *пермяки-коми* применительно к более позднему периоду (Кривошеков, 1914, с. 17, 35).

Приведенные примеры показывают, что в XIX – начале XX в. в научном и общественном дискурсе сложилось представление о двух этнонимах, которые употребляются для названия народа, при этом этноним *коми* в этот период используется применительно к самоидентификации народа. Фиксация и описание примеров этнонимов разными исследователями в этот период в научной литературе связаны не только с расширением этнографического изучения народов России, но и развитием методики научного описания народов.

Таким образом, в XVIII – начале XX в. бытовало два этнонима для обозначения народа. Один из них – *пермяки* – был официальным названием народа и использовался в общественном дискурсе, был единственным, применявшимся в публикациях на русском языке, а также при составлении словарей и первых букварей на коми-пермяцком языке; именно от него было сформировано и название языка – пермяцкий. Второй этноним – *коми* – фиксировался исследователями, однако был эндоэтнонимом, использовавшимся на родном языке в разных значениях. В общественной сфере в основном его употребление было ограничено научной и научно-популярной литературой. Такая особенность в использовании двух этнонимов была характерна в тот период для многих народов Поволжья и Урала: марийцев-черемисов, удмуртов-вотяков, манси-вогул и т.д. Однако бытование этнонима *пермяк* имело, с нашей точки зрения, некоторые особенности. Данный этноним в этот период, что можно утверждать на основе более поздних этнографических материалов и других источников, активно применялся и в качестве самоназвания народа, в этой форме сохранился у периферийных групп коми-пермяков вплоть до начала XXI в. Официальный этноним *пермяки* использовался и в материалах Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., входил в Алфавитный список народов Российской империи (Алфавитный список..., 1895; Первая всеобщая..., 1904).

Эпоха перемен: национально-государственное строительство в 1920-е гг.

Революционные события в стране привели к существенным переменам в разных сферах общественной жизни, в том числе в национальной политике. Одним из проявлений эпохи национально-государственного строительства в этот период стала смена употреблявшихся в дореволюционный период русских этнонимов на этнонимы, используемые в качестве самоназвания у народов. Причиной такой смены стало стремление употреблять исконные и правильные названия народов. Активно эти процессы шли и в Поволжье, и Приуралье. Так, на смену этнониму *черемисы* уже в первые годы советской власти закрепился этноним *марийцы*. Образованная в 1920 г. Марийская автономная область уже включала этноним *марийцы* в официальный дискурс. На смену этнониму *вотьяк* пришла номинация *удмурт*, однако образованная в 1920 г. Вотская автономная область только в 1932 г. была переименована в Удмуртскую автономную область, когда и окончательно закрепился этноним *удмурты* для названия народа [Удмурты..., 1993, с. 42]. Остяко-Вогульский национальный округ с центром в Остяко-Вогульске был создан в 1930 г., и только в 1940 г. был переименован в Ханты-Мансийский (ГАЮ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 177. Л. 82). Старые названия народов при этом стали восприниматься как насмешливые и оскорбительные. Процесс смены этнонимов затронул и народы коми – зырян и пермяков. Созданная в 1921 г. Автономная область Коми (Зырян) также уже включала этноним *коми* в свое название. Общая волна восприятия дореволюционных официальных этнонимов как негативных, отражающих национальную политику царской России, была характерна в тот период и для общественного дискурса в Пермском Прикамье: «...национальное же название пермяков – “Коми”. Слово “пермяки” и по сие время употребляется в качестве ругательного, будучи в былое время синонимом грязи и некультурности; народ питает к нему неприязненное отноше-

ние...» (1925 г.) (КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 12. Л. 18); «Пермяки носят с зырянами одно наименование «коми», так как они являются одним народом. Названия “пермяки” и “зыряне” даны им иностранцами» (КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 121. Л. 1). Однако многозначность номинации *пермяк*, которой обозначали не только народ, но также жителей города Перми, а нередко и региона, не привели к формированию негативного восприятия данной номинации. Этот термин в разных значениях активно используется и в настоящее время.

Наиболее острым в этот период был вопрос о статусе «пермяцкого населения Пермской губернии» и передаче территории его расселения в состав Автономной области Коми. В 1921 г. была образована Автономная область Коми (Зырян), однако пермяцкие волости в тот период не вошли в состав вновь образованной области. Дискуссия о статусе пермяков и их национально-государственном устройстве продолжалась до 1925 г., когда был создан отдельный национальный округ в составе Уральской области [Каменских, 2021, с. 24–44]. Именно с 1920 по 1925 г. происходит конструирование, становление и активное использование этого этнонима в общественной сфере.

В Пермском Прикамье в этот период также идут активное включение в общественный контекст и использование в документах этнонима *коми*. При этом, так как *коми* расценивается как самоназвание народа, ему отдается приоритет. Использование этнонимов *коми* и *пермяки* в этот период происходит на волне роста национального общественного движения и политических процессов создания в стране национально-территориальных образований. В первой половине 1920-х гг. мы наблюдаем активное использование этих двух этнонимов. При этом *коми* используются прежде всего в сочетании *народ коми*, применительно к коми-пермякам и коми-зырянам, а чаще всего в том случае, если речь идет о двух народах. Номинация *пермяки* в этот период по-прежнему также часто используется в официальных документах наряду с *коми* в том случае, когда речь идет о территории Пермского Прикамья. В выписке из заседания административной комиссии Пермского губисполкома от 15.12.1921 г. используется номинация *пермяки*, например: «Не возражать против выделения пермяков в Коми автономную область...» (ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 2. Д. 222. Л. 1). В статье Ф. Г. Тараканова «О включении пермяков в автономную область Коми», опубликованной в 1922 г. в газете «Югыт туй» (г. Сыктывкар), отмечается, что этноним *коми* общий для зырян и пермяков, при этом термин *народ коми* для обозначения двух групп используется в статье лишь один раз. В то же время, когда речь идет о Пермском Прикамье используется исключительно этноним *пермяк* (*пермяки*), который употребляется более двадцати раз (КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 121).

С 1921 г. эпизодически в документах появляется номинация *коми-пермяк*. В докладной в Зырянское представительство при Наркомнаце от уполномоченного Ф. Г. Тараканова от 27 декабря 1921 г. встречаются этнонимы *коми-зыряне* и *коми-пермяки*: «Уезд и губерния держат нас в страхе под видом продовольственной кампании. Пошли слухи, что все районные учреждения в Кудымкаре ликвидируют. Коми-пермяки под угрозой...» (ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 2. Д. 222. Л. 37). В протоколе заседания президиума Пермского губисполкома от 6 сентября 1922 г. также встречается термин *коми-пермяки* (КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69. Л. 9).

В отношении использования этнонимов показательны документы I Съезда культурных сил Коми /Пермяцкого/ края, проходившего в г. Кудымкаре 25–28 марта 1923 г. В документах съезда, которые представлены на русском языке, отразились особенности использования этнонимов в тот период. Как показывает источник, в этот период продолжают преимущественно использоваться два этнонима *коми* и *пермяки*, при этом номинация *коми* чаще всего используется в сочетании *народ коми*. Всего в материалах съезда около 50 раз употреблен этноним *коми*, и только чуть более 10 раз – этноним *пермяк*. Только дважды в разных вариантах встречается контаминация данных этнонимов: в первом случае – в варианте «Коми /Пермяков/», во втором варианте – коми «пермяков» (I Съезд..., 2024, с. 27, 48).

Из приведенных примеров мы видим, что использование термина *пермяк* продолжает оставаться необходимым для конкретизации территории и коми населения Пермского Прикамья. При активном использовании нового этнонима *коми* сохраняется потребность в уточнении *зырян* или *пермяков*. Именно этот фактор приводит к соединению внешнего и внутреннего этнонима в разных вариантах: коми /пермяки/; коми «пермяки», коми-пермяки. С 1920 по 1925 г.

для названия народа характерно бытование трех вариантов наименования: *коми*, *пермяки* и *коми-пермяки*. При этом номинация *коми-пермяки* в этот период еще не имеет широкого распространения и активного использования. Дальнейшее распространение этнонима определило государственное национальное строительство, решение вопроса о создании отдельного национального округа в составе Уральской области.

Созданный 26 февраля 1925 г. национальный округ носил название Пермского. Однако уже I Окружной съезд Советов решает «...просить облисполком об отмене своего постановления в части, касающейся названия округа, именуя его впредь не “Пермяцким”, как это принято постановлением..., а “Коми /Пермяцкий/” и довести до сведения, что настаивая на этом названии, принимается во внимание, как воля населения Округа, которая нашла свое отражение в постановлении окружного съезда Советов как и в постановлении Президиума ВЦИК от 26 февраля 1925 г., в котором определенно указывается на организацию в составе Уральской области “Национального Округа” – национальное же название пермяков, – “Коми”... <...> ...съезд Советов постановил основным названием Округа считать “Коми”, включая в скобки Пермяцкий во избежание путаницы с Коми /Зырянами/. Опасаться, что Коми /Пермяцкий/ Округ смешают с Автономной областью Коми /Зырян/ нет никаких оснований поскольку речь идет не об Автономной области, а об округе.

С этой стороны более основательным было опасение в отношении Пермского округа; в большинстве случаев и до сих пор еще в России Пермяками считают жителей бывшей Пермской губернии, не вкладывая сюда этнографического содержания, так что Пермяцкий и Пермский округа в виду их тесного соседства рискуют действительно быть смешанными затрудняя таким образом почтово-телеграфные и другие сношения. Оставляя название “Пермяцкий” может возникнуть необходимость в изменении названия одного из округов...» (КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 12. Л. 18). Вскоре написание названия округа закрепляется в ином орфографическом варианте, используемом до настоящего времени – Коми-Пермяцкий.

С середины 1920-х гг. название округа *Коми-Пермяцкий* используется во всех документах и опубликованных материалах, постепенно закрепляется и этноним *коми-пермяки*. В Списках населенных мест Уральской области по Коми-Пермяцкому округу в описании территории уже дано название народа коми-пермяки, хотя в описаниях районов и при указании национального состава населения по материалам Переписи 1926 г. еще указаны *пермяки* (Список..., 1928, с. IX). Используется новый этноним и в научной литературе [Нечаев, 1930, с. 9–12; Старцев, 1929; Старцев, 1931, с. 38–42]. В официальных материалах Всесоюзных переписей населения 1937 г. уже фигурирует название народа *коми-пермяки*, которое записано в Словаре национальностей под шифром 64 (Словарь..., 1937, с. 16).

Если закрепление названия округа и этнонима происходило в период второй половины 1920-х гг., то для названия языка термин *коми-пермяцкий* начинает использоваться позднее. В 1927 г. в «Положении по введению коми языка в государственные и общественные предприятия и организации Коми-Пермяцкого округа» отмечено, что в пределах округа «языками и считать Коми и русский» [Каменских, 2021, с. 235–236]. Термины *коми письменность* и *коми язык* присутствуют в документах о переводе коми-пермяцкого языка на латинскую графику и кириллицу. В 1940 г. вышла учебная литература по коми-пермяцкому языку с терминами *коми кыв* (коми язык), которые переводятся на русский как коми-пермяцкий язык (Мошегова, 1940; Караваев, Попов, Спорова, 1940). И только постепенно для названия языка закрепляется термин *коми-пермяцкий язык* как на русском, так и *коми-пермяцкӧй кыв* на родном.

Таким образом, в 1920–30-е гг. происходит становление и распространение этнонима, названия региона и языка, возникшего от соединения двух этнонимов, бытовавших до этого как самостоятельные слова. Возникший этноним *коми-пермяк* сначала эпизодически встречается в документах, и лишь после создания Коми-Пермяцкого национального округа становится официальным названием народа и получает широкое распространение, в том числе становясь этнонимом, воспринятым и используемым народом. Возможно, иное решение «пермяцкого вопроса», включение территории расселения пермяков Пермской губернии в состав Автономной области Коми привело бы к закреплению и распространению общего этнонима коми.

«Мы просто пермяки»: идентичность и этнонимы периферийных групп

Процессы национально-государственного строительства в ареале расселения основной части народа, которая вошла в состав Коми-Пермяцкого национального округа, привели не только к распространению и принятию нового этнонима *коми-пермяки*, но также активизировали процессы консолидации народа, чему способствовали становление литературного языка, появление литературы на родном языке, издание газет, преподавание языка в школе и развитие форм национальной культуры [Каменских, 2021, с. 58–81].

В то же время периферийные группы коми-пермяков – верхнекамские (зюздинские) и зырянские пермяки, ареалы расселения которых не вошли в состав Коми-Пермяцкого национального округа, оказались вне национально-государственного строительства и процессов консолидации народа. Соответственно, в этих территориях не произошло активного распространения этнонима *коми-пермяк*, а продолжал активно использоваться старый этноним *пермяки*. Однако в каждой из групп эти процессы имели свои характерные особенности.

Верхнекамские коми-пермяки

В дореволюционный период для верхнекамских (зюздинских) коми-пермяков официально также использовался этноним *пермяк* (Штейнфельд, 1892, с. 272–312; Иванов, 1883, с. 16–19). В Зюздинском крае (ныне – Афанасьевский район Кировской области) этноним *пермяк* продолжал использоваться и в XX в., оставался базовым для самоопределения вплоть до начала XXI в. В. Н. Белицер, проводившая исследования в этом районе в 1951 г., отмечала: «Национальное самосознание зюздинских коми-пермяков выражено не совсем отчетливо. Некоторые из них затрудняются определить свою национальность и считают себя кто – русскими, кто – коми. В большинстве случаев зюздинцы называют себя *пермяками* или *пермянами* и отличают себя от коми-пермяков, живущих в Коми-Пермяцком национальном округе (Молотовская область) [совр. Пермский край]» [Белицер, 1952, с. 27–28].

Полевые исследования начала XXI в. показывают активное бытование этнонима *пермяк* и использование в настоящее время как при коммуникации на русском, так и на родном (коми-пермяцком) языке: «Володя миян вöлiн пермяк паспортлыын. Пондiс велöтчыны и пондiс шуны: «Мыля ти менö пермякöн гижинö, колö менö русскöэн» [Володя у нас по паспорту был пермяк. Стал учиться и стал говорить: «Зачем вы меня пермяком записали, нужно меня русским] (ПМ НА ИГИ УрО РАН, д. Порубово, 2005); «Мы не коми-пермяки. Мы просто пермяки». Можно привести и другие примеры: «Я даже не знаю чё такое коми-зыряне и коми-пермяки. Нас называют просто пермяки» (Там же, д. Илюши, 2005); «Я их языка совсем не понимаю, хотя тоже пермянка» (Там же, д. Пашино, 2023). Соответственно, и при определении языка, этнического состава деревень, других этнических определений использовались номинации *пермяцкий*, *по-пермяцки*: «У нас деревня вся была пермяцкая» (Там же, пос. Афанасьев, 2023); «Там еще пермяцкие. Ни одной песни по-пермяцки не было, а вот сегодня даже и не спели» (Там же); «По-пермяцки баитэны [По-пермяцки говорят]» (Там же).

В результате стал возможен конфликт идентичностей – пермяцкой и коми-пермяцкой, который виден из приведенных примеров. Это соотношение часто выстраивается в такую схему: «Мы и не зыряне, и не коми-пермяки, мы просто – пермяки». Противопоставление друг другу наблюдается и в других этнографических группах коми-пермяков, чаще всего оно выражается в сравнении особенностей культуры, языка, но у верхнекамских пермяков часто также актуализируются культурные и языковые различия, присутствует противопоставление на уровне этнического самосознания: «Вы – коми-пермяки, а мы – пермяки». Наблюдается и определенное осознание связи с коми-пермяками: «Вы – главные пермяки, а мы не главные, мы смешанные» (ПМ НА ИГИ УрО РАН, д. Илюши, 2005); «Мало-то по-нашему разговаривали, а всё равно они главные пермяки все были. А у нас всё смешанное. Нет, мы не главные, у нас половина русское» (Там же, д. Порубово, 2005).

Другой тенденцией советского периода в Афанасьевском районе Кировской области было восприятие этнонима *коми-пермяк*. Каналами распространения официального названия народа была запись в паспорте *коми-пермяк* в случае, если указывали на эту этническую при-

надлежность, школьное образование, в котором в 1930-е гг. были периоды попыток выстраивания системы преподавания коми-пермяцкого языка, а также личные и официальные контакты с основной частью народа. Особенно активно процессы распространения этнонима происходили в 1990-е гг. на волне общественного движения, усиления связей этой территории с Коми-Пермяцким округом, проведения национальных праздников, открытия Коми-Пермяцкого центра в Афанасьевском районе Кировской области [Каменских, Черных, Вайман, 2024, с. 140–161]. Эти события и сегодня оцениваются в контексте более широкого распространения номинации *коми-пермяки*: «...коми-пермяки, когда нас стали изучать, стали собирать научные конференции, стали какие-то труды писать по нам, вот коми-пермяки, вот тогда мне кажется появилось, так мы были пермяки, вот это я помню» (ПМ НА ИГИ УрО РАН, пос. Афанасьево, 2023).

Варианты идентичности и разность в использовании этнонимов отмечают также материалы Всероссийских переписей населения. В 2010 г. в Кировской области перепись населения учла 378 коми-пермяков, при этом в пояснении к этнониму указывалось, что в него включены следующие определения: *зюздинцы, коми с языком коми-пермяцким, коми морт с языком коми-пермяцким, коми-зюздинцы, пермяки* (Итоги Всероссийской переписи..., 2010). Такое количество терминов свидетельствует о сложных траекториях этноконсолидации и самоопределения населения данной территории. По данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., численность верхнекамских коми-пермяков Кировской области составила 166 человек, к этой категории отнесены также *коми с языком коми-пермяцким* и *пермяки* (Итоги Всероссийской переписи..., 2020).

Еще один этноним, который стал активно использоваться с 1990-х гг. для обозначения этнографической группы, – *коми-зюздинцы*. Его формирование на основе соединения двух основ *коми* и *зюздинцы* ожидаемо в контексте наименования как народов (коми-пермяки и коми-зыряне), так и отдельных этнических сообществ (коми-ижемцы, коми-язьвинцы). Термин *коми-зюздинцы* сегодня стал часто использоваться в научной литературе [Березина, Бузмакова, 2017, с. 21–24; Голева, 2011, с. 6], так и в общественном контексте (К коми-зюздинцам..., 2023). Однако дискуссии о наименовании данной группы продолжаются и в настоящее время. В полевых материалах экспедиции 2023 г. в Афанасьевский район Кировской области наиболее частотными для обозначения группы были термины *пермяки, зюздинские пермяки, зюздинские коми-пермяки, зюздинские коми*. В научной литературе также нет единого подхода к обозначению группы. Лингвисты С. А. Сажина и Е. Н. Федосеева в своих исследованиях называют их кировскими пермяками, зюздинскими пермяками, верхнекамскими пермяками, верхнекамскими коми [Федосеева, 2008; Федосеева, 2012; Сажина, Федосеева, 2022b, с. 303–309; Сажина, Федосеева, 2022a, с. 193–198]. В этнографических работах чаще всего встречаются номинации *верхнекамские коми-пермяки* [Черных, 2005], *зюздинские коми-пермяки, афанасьевские коми-пермяки, западные коми-пермяки* [Трушкова, 2023, с. 78–88].

От пермяков к коми-язьвинцам

Во многом схожая этническая ситуация развивалась с другой группой коми, расселенной в отрыве от основной территории народа, компактным ареалом по р. Язьва. В дореволюционный период эта группа во всех источниках и научной литературе была известна также под этнонимом *пермяки*. Известный лингвист А. Генетц, проводивший исследования в Верх-Язьвинской волости Чердынского уезда, фиксирует бытование двух этнонимов *пермяки* и *коми* (Genetz, 1897, S. 13), что совпадает с употреблением этнонимов и в других группах. Интересно замечание И. Я. Кривошекова об этнонимах этой группы, который отмечает: «Говорят они и ныне на пермяцком наречии, значительно рознящемся от Косинских и Инвенских пермяков, и народом *коми морт* себя не считают» (Кривошеков, 1914, с. 267). В научных исследованиях XIX – начала XX в. в тот период данная группа не получила особого научного термина для своего названия. Обычно исследователи употребляют географические указания, например, А. Ф. Теплоухов для обозначения группы использовал название *пермяки Верх-Язьвинской волости* [Черных, 2021, с. 234], характеризуя особенности их говора как восточное наречие пермяков Чердынского уезда [Теплоухов, 1916, с. 124]. А. Генетц также называл свою работу «Восточно-пермские языковые исследования» (Genetz, 1897).

В советский период эта группа, в отличие от верхнекамских коми-пермяков, еще меньше поддерживала связи с Коми-Пермяцким округом и была вне образовательных и культурных проектов округа. На волне национального общественного движения вопрос о статусе группы и использовании этнонима встал еще более остро и дискуссионно. В конце XX в. этнонимом, который активно бытовал на р. Язьве, был *пермяки*, на что неоднократно указывал на многочисленных примерах исследователь Г. Н. Чагин: «Родной язык не забыла. Пишемся теперь русскими и говорим чужим людям, что мы русские. Но мы не русские и не коми-пермяки. Язык у нас свой, пермяцкий, и считаем себя пермяками» (д. Антипино, 1987) [Чагин, 2012, с. 19]; «Издавна в наших деревнях говорили по-пермяцки и называли себя пермяками. Слово *коми* не знали. Это придумали искусственно» (с. Верх-Язьва, 2011) [Там же, с. 32]. На волне общественного движения в 1990-е гг. и научного интереса к этнографической группе происходит не только закрепившееся в XX в. дистанцирование от коми-пермяков, но и конструирование этнонима и его широкое распространение как в научной, так и общественной сфере.

Значительную роль в осмыслении своей «инаковости» от других групп народов коми и уникальности сыграла работа В. И. Лыткина «Коми-язьвинский диалект» [Лыткин, 1961]. И хотя она была подготовлена и издана несколько десятилетий ранее, широкой общественности на р. Язьве она стала знакома только в 1990-е гг. В. И. Лыткин на лингвистическом материале аргументирует особый статус язьвинского наречия, что стало аргументом и основой для осмысления статуса этнической общности как отдельного народа коми: «В Красновишерском районе... живет около 4000 человек, говорящих на особом диалекте языка коми, отличающемся как от коми-пермяцкого, так и от коми-зырянского наречий» [Там же, с. 3]. Для обозначения группы исследователь использует термины *язьвинские коми* и *коми-язьвинцы*: «Соседнее русское население называет коми-язьвинцев пермяками» [Там же, с. 4]. Для названия диалекта в том числе используется номинация *коми-язьвинский язык*.

В 1990-е гг. научный термин попадает в общественное пространство и с течением времени становится не только официальным названием группы, но и этнонимом, используемым для самоопределения. Принятие и распространение этнонима в 1990–2000-е гг. шло постепенно и не всегда однозначно воспринималось представителями народа: «Язык называем пермяцким, так было всегда, а теперь его называют коми-язьвинским. Коми-язьвинским стали называть в последние годы искусственно. Поэтому избегаю даже на уроке называть язык по-новому...» (с. Верх-Язьва, 2011) [Чагин, 2012, с. 31]; «Свой язык по-своему мы называем пермяцким, а не коми-язьвинским. Новое название языка не наше, но и оно уже прижилось» (д. Паршакова, 2007) [Там же, с. 33]. В этом контексте динамику использования номинаций для названия этнографической группы можно проследить по опубликованным работам в 1990–2010-е гг. В 1990-е гг. чаще всего для обозначения группы использовали номинации *коми-пермяки язьвинские*, *язьвинские пермяки* [Чагин, 1993], на рубеже 1990–2000 гг. – *коми-язьвинские пермяки* [Чагин, 2001; 2002], с 2002 г. – *коми-язьвинцы* [Чагин, 2012; Чагин, Черных, 2002; Ваньков, 2007; 2013; Голева, 2014]. При этом при принятии феномена уникальности группы ее статус, как и статус языка, вызывают до настоящего времени дискуссии: от этнографической группы коми-пермяков до самостоятельного народа и от наречия коми-пермяцкого языка до самостоятельного коми-язьвинского языка.

Таким образом, в двух этнографических группах мы наблюдаем в течение XX в. схожие этнокультурные процессы и динамику этничности: сохранение этнонима *пермяк*, слабую консолидацию с основной частью коми-пермяков. Однако влияние разных факторов привели к разным векторам процессов идентификации на рубеже XX–XXI вв. И если коми-язьвинцы при активном общественном движении и реализации национальной политики области и края двигались в сторону формирования нового этнонима и статуса отдельного этнического сообщества, то верхнекамские коми-пермяки идут по пути преимущественной консолидации с коми-пермяками. Однако данные процессы происходят при интенсивных ассимиляционных процессах и значительном уменьшении численности изучаемых групп в последние десятилетия.

Дискуссии продолжаются

В 2025 году Коми-Пермяцкий округ отмечает свое 100-летие со дня создания. За вековой период произошла не только институализация коми-пермяков как самостоятельного народа, но и закрепление этнонима *коми-пермяк* как официального названия народа как в общественном и научном дискурсе, так и использование номинации в качестве самоназвания. В то же время наряду с этнонимом *коми-пермяк*, термины *пермяк* и *коми* также используются при самоидентификации. Не в официальной обстановке коми-пермяки сами себя и свой язык часто называют коми, но при этом с родственным народом, проживающим в Республике Коми, идентификацию, единства не ощущают [Лобанова, 2019, с. 403–411]. При лингвистических исследованиях спонтанной речи коми-пермяков пермские лингвисты, например, показали такую частотность употребления этнонимов: коми-пермяки – 27 раз, пермяки – 5 раз, коми – 2 [Худякова, 2014, с. 82]. Однако дискуссия об этнониме, статусе коми-пермяков и коми-пермяцкого языка не закончена и в настоящее время. Взгляд на эту проблемы разнится не только от научной и общественной позиции автора, но и имеет определенную географическую привязку.

Этноним коми-пермяк часто не устраивает как тех, кто отстаивает точку зрения о коми-пермяках как самостоятельном народе, так и тех, кто считает их частью одного народа коми. Лишь иногда высказывается позиция о необходимости возвращения старого, дореволюционного названия народа, аргументируемая сложностью двусоставной конструкции этнонима: «Коми-пермяками они искусственно стали в 1925 году, чтобы в дальнейшем можно было аргументировать объединение с Коми областью. Нигде в мире нет двухсоставных названий народа. Надо привести название народа в соответствие с мировой классификацией народа и вернуть ему исконное название “пермяки”» [Коньшин, 2016, с. 87–88]. На другом полюсе отказ от этнонима коми-пермяк подкрепляется представлениями об искусственном разделении народа коми, и в этом случае исследователи и общественные деятели актуализируют этноним *перем коми* и *пермские коми*. С такими номинациями созданы группы в социальных сетях, публикуются статьи на ruwiki [Зюздинцы, эл. ресурс], в постах социальных сетей.

В зарубежных финно-угорских исследованиях также часто отказываются от использования отдельных этнонимов *коми-пермяки* и *коми-зыряне*, определяя оба этнических сообщества как народ коми с единым языком коми. Так, например, в исследовании «Уральские языки» Т. Райс отмечает, что во всех странах, кроме Советского Союза, вопрос о двух языках (коми-пермяцком и коми-зырянском) не ставится. А понятие коми-пермяцкой идентичности было сконструировано для дезинтеграции народа коми [Riese, 1998, p. 249–275]. Оба народа коми часто выделены одним цветом на зарубежных картах расселения финно-угорских народов Евразии.

Следует констатировать, что дискуссия вокруг этнонима и статуса народа продолжается. Однако, с нашей точки зрения, следует признать, что в настоящий момент коми-пермяки являются отдельным этническим сообществом с отдельной этнической идентичностью, сформированным литературным языком и основными компонентами национальной культуры.

Таким образом, изучаемые явления становления и бытования этнонимов являются отражением сложных и динамичных этнических процессов. Для периода XVIII – начала XX в. характерно бытование двух этнонимов *пермяки* и *коми*, которые имели разные сферы бытования. Номинация *пермяк* принималась этническим сообществом, в большинстве своем не имела негативной коннотации и использовалась в условиях активного билингвизма и как самоопределение. Наиболее острые дискуссии возникали в переломные и кризисные моменты, активизирующие национальное общественное движение и государственную национальную политику. Несомненно, переломным моментом в становлении этнонима *коми-пермяки* является период 1920-х гг., когда и начинается его формирование, а затем широкое распространение и принятие народом. Становление этнонима происходит одновременно со сложными процессами национально-государственного устройства «пермяков» Пермской губернии и создания Коми-Пермяцкого национального округа Уральской области. Следует отметить, что при других географических реалиях, административных границах, политических и этнокультурных факторах, возможно, были бы другие результаты этнических процессов, а также другие формы современной этнонимии народов коми. Для 1990-х годов наиболее активные дискуссии и широкое рас-

пространение новых этнонимов были характерных для периферийных групп коми-пермяков, получивших локальные номинации *коми-язьвинцы* и *коми-зюздинцы*, но в каждой из групп этнические процессы имели разные векторы и привели к различным результатам. В настоящее время при устоявшейся традиции использования этнонима периодически возникают дискуссии как о статусе народа, так и о его названии.

Примечания

¹ Мы не ставим своими задачами дать полный историографический обзор, приводим лишь те исследования, которые показывают общую тенденцию или вводят новый материал по изучаемой проблематике.

Список источников

- Genetz A.* Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Die finnische Literatur-Gesellschaft, 1897. 57 S.
- Gmelin J.G.* Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: Abram Vandenhoecks seel. 1751. Bd. I. 476 S.
- I Съезд культурных сил Коми-Пермяцкого края: сб. док. Кудымкар, 2024. 128 с.
- Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. СПб.: Изд-ние Комитета Министров, 1895. 90 с.
- АРГО – Архив Русского географического общества (г. Санкт-Петербург) Р. XXIX [Пермская губерния]. Д. 20.
- Ваньков Е. Г.* Есть такой народ – коми-язьвинцы // Народы Пермского края. Альманах. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2007. С. 35–36.
- Ваньков Е. Г.* Коми-язьвинцы Пермского края // Пермский край – территория межнационального согласия. СПб., 2013. С. 71–73.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва) Ф. Р-5677 (Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Центрального исполнительного комитета). Оп. 2. Д. 222. Л. 1, 37.
- Гасабов Е. И.* Статистическо-этнографический очерк губернии // Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. Пермь, 1880. С. 29–45.
- ГАЮ – Государственный архив Югры (г. Ханты-Мансийск). Ф. Р-1 (Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет, г. Ханты-Мансийск). Оп. 1. Д. 177. Л. 82.
- Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. I. 146 с.
- Гмелин И.* Путешествие в Сибирь. Соликамск, 2012. 83 с.
- Зюздинцы [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Зюздинцы> (дата обращения: 12.12.2024).
- Иванов А. П.* Кама-река // Волжский вестник. 1883. № 1. С. 16–19; № 2. С. 39–42; № 4. С. 90–95.
- Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по р. Вишере с Колвой / сост. Д. М. Бобылев, И. К. Зеленов, И. Я. Кривошеков [и др.]; под ред. П.В. Сюзева. Пермь: Издание Типо-Литографии Пермского Губернского Правления, 1911. 125 с.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Кировской области. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Киров, 2013.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 20.04.2024).
- К коми-зюздинцам на «Чудо» [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://minkpo.permkrai.ru/novosti/?id=301309> (дата обращения: 20.12.2024).
- Караваев С. И., Попов Н. В., Спорова А. М.* Коми кыв грамматика = [Грамматика коми-пермяцкого языка]: небытса шӧрӧт да шӧрӧт школа понда велӧгчан книга. Мӧдӧк часть: Синтаксис. Кудымкар: Комипермгиз, 1940. 139 с.
- КПОГА – Коми-Пермяцкий окружной государственный архив (г. Кудымкар). Ф. Р-20 (Окружной исполнительный комитет совета крестьянских и рабочих депутатов). Оп. 1. Д. 12. Л. 18; Ф. Р-29 (Личный фонд. Тараканов Ф.Г.). Оп. 1. Д. 121. Л. 1; Д. 69.
- Кривошеков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: Электро-Типография «Труд», 1914. 839 с.

- Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб.: При Имп. акад. наук, 1780. 376 с.
- Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791. 100 с.
- Мошегова А. Т. Коми кыв грамматика начальной школа = Грамматика коми-пермяцкого языка: 3-от да 4-от классезлö понда. Кудымкар: Комипермгиз, 1940. 106 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. 259 с.
- ПМ НА ИГИ УрО РАН – Полевые материалы. Научный архив Института гуманитарных исследований УрО РАН: Афанасьевский район (г. Пермь).
- Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Имп. Вольного экономического общества. СПб., 1813. Ч. 3. 352 с.
- Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Журнал Министерства внутренних дел. 1858. Т. 29, № 4. С. 45–126.
- Рогов Н. А. Пермско-русский и русско-пермский словарь, составленный Н.А. Роговым. СПб.: Имп. акад. наук, 1869. 415 с.
- Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 г. М.: Ред. изд. Управление ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1937. 27 с.
- Список населенных пунктов Уральской области. Т. V. Коми-Пермяцкий округ. Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 86 с.
- Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Хлопин В. О пермяках // Москвитянин. 1847. Ч. 1. С. 201–202.
- Штейнфельд Н. П. Зюздинский край Глазовского уезда // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 272–312.

Библиографический список

- Белицер В. Н. У зюздинских коми-пермяков // КСИЭ. 1952. Вып. XV. С. 27–38.
- Берзина Ю. В., Бузмакова Е. В. Историческое и культурное наследие коми-зюздинцев – коренных жителей Афанасьевского района Кировской области // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: материалы XXVII Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 21–24. EDN: YKVUKY.
- Голева Т. Г. Коми-язьвинцы // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие: словарь-справочник. СПб., 2014. С. 237–241.
- Голева Т. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011. 272 с.
- Каменских М. С. Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX – начале XXI века. СПб.: Маматов, 2021. 312 с. ISBN: 978-5-91076-243-9. EDN: JDLBNQ.
- Каменских М.С., Черных А.В., Вайман Д.И. Верхнекамские коми-пермяки: в поисках идентичности // Этнография. 2024. № 4 (26). С. 140–161. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-140-161. EDN: FSUSLX.
- Коньшин А. Е. Исследования о зюздинских пермяках в исторической ретроспективе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 4. С. 83–89. EDN: XEEIPZ.
- Лобанова А. С. О внешней и этнической идентификации средствами языка (на материале наименований локальных этнографических групп коми-пермяков, а также русских, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 403–411. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-403-411. EDN: THJYWI.
- Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
- Напольских В. В. Дважды забытый (Д.Г. Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт (Лад). 1998. № 4. С. 146–156.
- Напольских В. В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта: дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск: Удмуртия, 2001. 220 с. ISBN: 5-7659-0107-7. EDN: YRWLEM.
- Нечаев Г. А. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник Комиссии по собиранию и изучению диалектов коми языка. М.: Центриздат, 1930. Вып. 2. С. 9–12.

- Сажина С. А. Послелог в языке кировских пермяков // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, вып. 3. С. 474–484. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-474-484. EDN: BSOATS.
- Сажина С. А. Реализация грамматических категорий глагола в языке кировских пермяков // *Linguistica Uralica*. 2018. № 1. К. 40–52. DOI: 10.3176/lu.2018.1.04. EDN: YQXJBN.
- Сажина С. А., Федосеева Е. Н. Язык кировских пермяков: опыт создания письменности и проблемы нормирования // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022a. Т. 16, № 1. С. 193–198. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-193-198. EDN: EASATT.
- Сажина С. А., Федосеева Е. Н. Зюздинские пермяки: вопросы сохранения и нормирования языка // Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, литератур и фольклора. сборник статей. Ижевск, 2022b. С. 303–309. EDN: YDAENO.
- Смирнов И. Н. Пермяки: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1891. 289 с.
- Старцев Г. А. Из мира колдовства коми-пермяков // *Антирелигиозник*. 1931. № 8. С. 38–42.
- Старцев Г. А. Коми-пермяки // *Революция и культура*. 1929. № 19–20.
- Теплоухов А. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // *Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губ. земства*. Пермь: [Тип. Перм. земства], 1916. Вып. 2. С. 122–137.
- Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 514 с. ISBN: 978-5-88431-217-3. EDN: QJCZGB.
- Трушкова И. Ю. Традиционные костюмные Вятского края: проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния. Киров: Аверс, 2023. 176 с.
- Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: УД НИИИЯЛ, 1993. 392 с.
- Федосеева Е. Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // *Ашмаринские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф.* Чебоксары, 2008. С. 188–192. EDN: VEEZPZ.
- Федосеева Е. Н. О языковом сознании верхнекамских пермяков // *Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания: материалы XIII Междунар. симпозиума*. Сыктывкар, 2012. С. 202–205. EDN: TQTGRH.
- Худякова Е. С. Этничность коми-пермяков как система оппозиций // *Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология*. 2014. Вып. 4(28). С. 80–85. EDN: TCBQVZ.
- Чагин Г. Н. Коми-язвинцы Пермского края. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2012. 112 с.
- Чагин Г. Н. Язвинские пермяки: история и традиции. Пермь: Пермский областной творческий центр, 1993. 25 с.
- Чагин Г. Н. Знакомьтесь: язвинские пермяки // *Жизнь национальностей*. 2001. № 4. С. 27–28.
- Чагин Г. Н. Коми-язвинские пермяки – древний народ Северного Урала. Красновишерск: Соликам. тип., 2002. 16 с.
- Чагин Г. Н., Черных А. В. Народы Прикамья: очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. Пермь: Адм. губернатора Пермской области, 2002. 304 с.
- Черных А. В. Верхнекамские коми-пермяки: проблемы современного этнокультурного развития // *Национальные языки России: региональный аспект: материалы междунар. науч.-практ. конф.* Пермь, 2005. С. 277–281. EDN: CPIWFE.
- Черных А. В. Коми-пермяки на фотографиях второй половины XIX – начала XX в. Этнографический альбом. СПб.: Маматов, 2021. 372 с.
- Riese T. Permian // *The Uralic Languages*. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 249–275.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.02.2025

FROM THE PERMYAKS AND THE KOMI TO KOMI-PERMYAKS: THE FORMATION OF THE ETHNONYM

A. V. Chernykh

Perm Federal Research Center of Ural Academy of Science, Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russia
atschernykh@yandex.ru
ResearcherID: T-5170-2019
Scopus Author ID: 35828192900
SPIN: 1508-9097

The article observes the specificity of the existence of Komi-Permyak ethnonyms, the construction of a new official ethnonym for this ethnic group during the first years of the Soviet power as well as ethno-cultural processes that reflect the peculiarity of Komi-Permyaks' development and the use of the ethnonyms in the 19th – at the beginning of the 20th century on the basis of ethnographic published sources of the 18th – the beginning of the 20th century, documentary sources of the 1920-1930s from archival collections of central and regional archives and expeditionary materials of the end of the 20th – the beginning of the 21st century. It notes that in the 18th – at the beginning of the 20th century there were two ethnonyms to name this ethnic group. One of them – the Permyaks – was an official name and was used in social discourse. It was the only name mentioned in publications in Russian and in dictionaries and first Komi-Permyak alphabet books. The second ethnonym – the Komi – was fixed by researchers but it was an endoethnonym, in social sphere its use was mostly limited by scientific and scientific-popular literature. This peculiarity in the use of these two ethnonyms was typical of many people of the Volga region and Ural at that period. The ethnonym “Permyak” was also used as the name of the ethnic group and in this form it was preserved by peripheral Komi-Permyak groups till the beginning of the 21st century. The turning point in the establishment of the ethnonym “Komi-Permyak” was the period of the 1920s when its formation and later dissemination and acceptance started. The formation of the ethnonym occurs together with the processes of national and state formation of the “Permyaks” of Perm Governorate and the creation of Komi-Permyak State Okrug of the Ural region. In the 1990s the most active discussions and the wide spread of new ethnonyms were typical of peripheral groups of Komi-Permyaks which were locally called “the Komi of Yazva” and “the Komi of Zuzdino” but in each of these groups the ethnic processes had different vectors and led to different results. Nowadays although the use of the ethnonym has a long-standing tradition still there are certain discussions on the status and the name of this ethnic group. All the studied phenomena of the formation and the existence of ethnonyms reflect complex and dynamic ethnic processes.

Key words: Ural ethnography, Komi-Permyaks, ethnonyms, ethnic processes, Komi-Permyak Okrug.

References

- Belitser, V. N. (1952). About the Zyuzda Komi-Permyaks. *Kratkiye soobshcheniya Instituta etnografii*, 15, 27–38.
- Berezina, Yu. V., & Buzmakova, E. V. (2017). Historical and cultural heritage of the Komi-Zyuzdins – Indigenous inhabitants of the Afanasyevsky district of the Kirov region. In *Filologiya i kul'turologiya: sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya* [Philology and cultural studies: Modern problems and development prospects] (pp. 21–24).
- Chagin, G. N. (1993). *Yaz'vinskiye permyaki: istoriya i traditsii* [Yazva Permyaks: History and traditions]. Permskiy oblastnoy tvorcheskoy tsentr.
- Chagin, G. N. (2001). Meet the Yazva Permyaks. *Zhizn' natsional'nostey*, 4, 27–28.
- Chagin, G. N. (2002). *Komi-yaz'vinskiye permyaki – drevniy narod Severnogo Urala* [Komi-Yazva Permyaks – Ancient people of the Northern Urals]. Solikam. tip.
- Chagin, G. N. (2012). *Komi-yaz'vintsy Permskogo kraja* [Komi-Yazvins of Perm Krai]. Permskoye knizhnoye izdatel'stvo.
- Chagin, G. N., & Chernykh, A. V. (2002). *Narody Prikam'ya: ocherki etnokul'turnogo razvitiya v XIX–XX vv.* [Peoples of the Kama region: Essays on ethno-cultural development in the 19th–20th centuries]. Administratsiya gubernatora Permskoy oblasti.
- Chernykh, A. V. (2005). Upper Kama Komi-Permyaks: Problems of modern ethno-cultural development. In *Natsional'nyye yazyki Rossii: regional'nyy aspekt* [National languages of Russia: Regional aspect] (pp. 277–281).
- Chernykh, A. V. (2021). *Komi-permyaki na fotografiyakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Komi-Permyaks in photographs of the late 19th – early 20th centuries]. Mamatov.
- Fedoseyeva, E. N. (2008). Lexical borrowings in the vocabulary of Upper Kama Komi language. In *Ashmarinskiye chteniya* [Ashmarin readings] (pp. 188–192).
- Fedoseyeva, E. N. (2012). On the linguistic consciousness of Upper Kama Permyaks. In *Permistika 13* [Permic studies 13] (pp. 202–205).
- Goleva, T. (2011). *Mifologicheskiye personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological characters in the worldview system of the Komi-Permyaks]. Mamatov.
- Goleva, T. G. (2014). Komi-Yazvins. In *Narody Permskogo kraja: etnicheskaya istoriya i sovremennoye etnokul'turnoye razvitiye: slovar'-spravochnik* [Peoples of the Perm region: Ethnic history and modern ethno-cultural development: A dictionary-handbook] (pp. 237–241).
- Kamenskikh, M. S. (2021). *Pervyy natsional'nyy: komi-permyaki v natsional'noy politike Rossii v XX – nachale XXI veka* [The first national: Komi-Permyaks in Russia's national policy in the 20th – early 21st centuries]. Mamatov.
- Kamenskikh, M. S., Chernykh, A. V., & Vayman, D. I. (2024). Upper Kama Komi-Permyaks: In search of identity. *Etnografiya*, 4(26), 140–161. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-4\(26\)-140-161](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-4(26)-140-161)
- Khudyakova, E. S. (2014). Komi-Permyak ethnicity as a system of oppositions. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 4(28), 80–85.

- Kon'shin, A. Ye. (2016). Research on Zyuzda Permyaks in historical retrospect. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 10(4), 83–89.
- Lobanova, A. S. (2019). On external and ethnic identification through language. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 13(3), 403–411. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-3-403-411>
- Lytkin, V. I. (1961). *Komi-yaz'vinskiy dialekt* [The Komi-Yazva dialect]. Izdatel'stvo AN SSSR.
- Napol'skikh, V. V. (1998). Twice forgotten (D.G. Messerschmidt – the first researcher of Udmurt language and culture). *Art (Lad)*, 4, 146–156.
- Napol'skikh, V. V. (2001). *Udmurtskiye materialy D.G. Messershmida: dnevnikovye zapisi, dekabr' 1726* [Udmurt materials of D.G. Messerschmidt: Diary entries, December 1726]. Udmurtiya.
- Nehchaev, G. A. (1930). Characteristics of the Zyuzda dialect of the Komi language. *Sbornik Komissii po sobiraniyu i izucheniyu dialektov komi yazyka*, 2, 9–12.
- Riese, T. (1998). Permian. In D. Abondolo (Ed.), *The Uralic languages* (pp. 249–275). Routledge.
- Sazhina, S. A. (2018). Implementation of verbal grammatical categories in the language of Kirov Permyaks. *Linguistica Uralica*, 1, 40–52. <https://doi.org/10.3176/lu.2018.1.04>
- Sazhina, S. A. (2019). Postpositions in the language of Kirov Permyaks. *Vestnik ugrovedeniya*, 9(3), 474–484. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-3-474-484>
- Sazhina, S. A., & Fedoseyeva, E. N. (2022a). The language of Kirov Permyaks: Writing system development and standardization issues. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 16(1), 193–198. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-1-193-198>
- Sazhina, S. A., & Fedoseyeva, E. N. (2022b). Zyuzda Permyaks: Language preservation and standardization issues. In *Aktual'nyye problemy udmurtovedeniya* [Current issues in Udmurt studies] (pp. 303–309).
- Smirnov, I. N. (1891). *Permyaki: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Permyaks: A historical-ethnographic essay]. Tip. Imp. Un-ta.
- Startsev, G. A. (1929). Komi-Permyaks. *Revolutsiya i kul'tura*, 19-20.
- Startsev, G. A. (1931). From the world of Komi-Permyak witchcraft. *Antireligioznik*, 8, 38–42.
- Teploukhov, A. (1916). Women's headdresses of Permyaks and their relation to ancient headdresses of local Russian population. *Illyustrirovannyi sbornik-ezhegodnik Permskogo gub. zemstva*, 2, 122–137.
- Teryukov, A. I. (2011). *Istoriya etnograficheskogo izucheniya narodov komi* [History of ethnographic study of Komi peoples]. MAE RAN.
- Trushkova, I. Yu. (2023). *Traditsionnyye kostyumnye Vyatskogo kraia: problemy formirovaniya, vzaimovliyaniya, sovremennogo sostoyaniya* [Traditional costumes of the Vyatka region: Formation, mutual influence, and current state]. Avers.
- Udmurty: istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Udmurts: Historical-ethnographic essays]. (1993). UD NIIMIYaL.